

ТОЛКИН

ПРОШУТТЕНДОРФ

ЛОРД
ДАНСЕНИ

ДОЧЬ КОРОЛЯ
ЭЛЬФОВ

Лорд Дансени
Крепость несокрушимая
иначе как для Сакнота
Серия «Рассказы об удивительном»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160890

Оригинал: LordDunsany, "The Fortress Unvanquishable Save for Sacnoth"

Перевод:

Светлана Борисовна Лихачева

Аннотация

Его рассказы о сверхъестественном отвергают как аллегорические толкования, так и научные объяснения. Их нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г. Дж. Уэллсу. Еще меньше они нуждаются в многозначительных толкованиях болтунов-психоаналитиков. Они просто волшебны.

Лорд Дансени

Крепость несокрушимая иначе как для Сакнота

В лесу, что древнее самой истории и является названным братом холмов, стояло селение под названием Аллатурион; и народ его жил в мире со всеми обитателями темных лесных чаш, будь то смертные, или звери, или народ фаэри и эльфов, или священные духи дерев и ручьев. Более того, жили поселения в мире друг с другом и с правителем своим, по имени Лорендиак. Перед деревней расстилалась широкая травяная равнина, а дальше снова стеною поднимался лес, но сзади деревья подступали к самым домам, а дома, с их массивными брусьями, деревянным каркасом и соломенными крышами, затянутыми зеленым мхом, казались едва ли не частью леса.

В те времена, о которых я веду рассказ, в Аллатурион пришла беда, ибо вечерами жуткие сны просачивались между древесными стволами в мирную деревню, и подчиняли себе умы людей, и в часы ночной стражи уводили людей на посыпанные пеплом равнины ада. Тогда местный маг сотворил заклинание противу жутких снов, однако сны по-прежнему прилетали с наступлением темноты, и под покровом мрака увлекали людские помыслы в кошмарные пределы, и заставляли уста человеческие открыто славить Сатану.

Отныне в деревне Аллатурион люди боялись заснуть. И стали они бледнеть и чахнуть, одни – от изнеможения, другие – из страха перед тем, что довелось им увидеть на посыпанных пеплом равнинах ада.

Тогда местный маг поднялся на вершину своей башни и всю ночь те, кому страх не позволял уснуть, видели, как высоко в ночи мягко светится его окно. На следующий день, когда сгустились сумерки и близилась ночь, чародей ушел на опушку леса и произнес там сотворенное им заклинание. То было могущественное заклинание, неодолимое и грозное, обладающее властью над кошмарными снами и над духами зла; ибо представляло оно собою стихотворение в сорок строк на многих языках, как живых, так и мертвых, и было в нем слово, коим жители равнин заклинаят своих верблюдов, и крик, коим северные китобой приманивают китов к берегу, чтобы убить их; и еще слово, от которого трубят слоны, и каждая из сорока строк оканчивалась рифмой на слово «шершень».

Но сны по-прежнему слетались из леса и уводили души людей в адские уголья. Тогда колдун понял, что сны насылет Газнак. И вот собрал маг поселян, и поведал им о том, что произнес он свое самое могущественное заклинание – заклинание, обладающее властью над людьми и зверями; и поскольку не помогло оно, стало быть, сны насылет никто иной как Газнак, величайший из чародеев звездных угольев. И зачитал он людям Книгу Магов, где говорится о появле-

нии комет и где предсказано возвращение Газнака. И сообщил он людям, что Газнак является верхом на комете и посещает Землю раз в двести тридцать лет, и строит себе огромную, несокрушимую крепость, и насылает сны, чтобы растлить умы людей, и победить его может только меч, имя которому – Сакнот.

И леденящий страх объял сердца поселян, когда убедились они, что маг их бессилен.

Тут заговорил Леотрик, сын лорда Лорендиака, а от роду ему было двадцать лет:

– Достойный Учитель, что есть меч, имя которому – Сакнот?

И отвечивал деревенский маг:

– Прекрасный сэр, меч этот доселе не откован, ибо таится он и по сей день под шкурой Тарагавверуга, защищая его хребет.

Тогда спросил Леотрик:

– Кто такой Тарагавверуг и где его возможно отыскать?

И отвечивал маг Аллатуриона:

– Это драконокрокодил, что рыщет в северных болотах и разоряет поселения у края топей. А шкура на спине его – из обычной стали, а брюхо из железа; но вдоль всей спины, прямо над хребтом, покоится узкая полоска стали неземной. Эта стальная полоска и есть Сакнот, и нельзя ее ни рассечь, ни растопить, и нет в мире такой силы, что сломала бы ее или оставила хотя бы царапину на ее поверхности. Длинной

же эта полоска как раз с добрый меч, и ширины ровно такой же. Ежели одолеть Тарагавверуга, то шкуру его возможно расплавить в горне, и останется Сакнот; а заточить Сакнот возможно только одним из стальных глаз Тарагавверуга, и ничем более; а второй глаз следует вделать в рукоять Сакнота, и он станет бессонным стражем владельца. Но одолеть Тарагавверуга – дело непростое, ибо ни один меч не пронзит его шкуры; хребта ему не перебить, и сжечь его нельзя, и утопить тоже. Только одним способом возможно извести Тарагавверуга – а именно, уморить голодом.

Тогда опечалился Леотрик, но маг продолжал:

– Если отгонять Тарагавверуга от пищи при помощи дубинки на протяжении трех дней, на закате третьего дня он издохнет от голода. И хотя он неуязвим, есть на его теле чувствительное место, ибо нос его – всего лишь из свинца. Меч только обнажит непробиваемую бронзу, но если бить зверя по носу палкой, он прянет от боли, и так можно, нанося удары то справа, то слева, не подпустить Тарагавверуга к пище.

Тогда спросил Леотрик:

– А чем питается Тарагавверуг?

И отозвался маг Аллатуриона:

– Человечиной.

И отправился Леотрик напрямик в лес, и срубил крепкую ореховую дубину, и в тот вечер лег спать пораньше. Но на следующее утро, пробудившись от тревожного сна, он поднялся до рассвета и, взяв с собою съестных припасов на пять

дней, отправился через лес на север, к болотам. На протяжении нескольких часов шел он сквозь лесной мрак, а когда снова вышел на свет, солнце стояло высоко над горизонтом, озаряя водные заводи среди пустоши. Тут же разглядел юноша глубокие отпечатки когтей Тарагавверуга, и след хвоста между ними, подобный рваной борозде в поле. Леотрик пошел по следу, и вскорости услышал глухой колокольный звон: то билось бронзовое сердце Тарагавверуга.

А Тарагавверуг, поскольку настал час первой дневной трапезы, полз в направлении деревни, и сердце его гулко колотилось. Все до одного селяне по обычаю своему вышли зверю навстречу; ибо напряженное ожидание Тарагавверуга оказывалось невыносимой пыткой: невозможно было оставаться в четырех стенах и слышать, как он нагло принюхивается, переползая от двери к двери и прикидывает неспешно в своих отлитых из металла помыслах, кого из обитателей предпочесть на этот раз. А бежать от него никто не смел, потому что в давние времена, когда поселяне пытались спастись бегством, Тарагавверуг, раз выбрав жертву, преследовал ее неумолимо, словно рок. Ничего не защищало противу Тарагавверуга. Однажды при его появлении люди взобрались на деревья, но Тарагавверуг наметил себе жертву, выгнул спину и, слегка наклонившись, принялся тереться о ствол, пока дерево не рухнуло. Когда же Леотрик приблизился, Тарагавверуг углядел его одним из крохотных стальных глазок и неспешно двинулся к нему, и гул его сердца эхом

вырывался из отверстой пасти. А Леотрик отступил в сторону, оказавшись между чудовищем и деревней, и ударил его по носу, и в мягком свинце образовалась вмятина. Тарагавверуг неуклюже метнулся в сторону, издав один-единственный жуткий вопль: так звучит большой церковный колокол, одержимый духом, что вылетает из могил по ночам – злобным духом, дающим колоколу голос. Затем зверь снова ринулся на Леотрика, рыча от злости, и снова Леотрик отскочил в сторону и ударил чудовище по носу палкой. Тарагавверуг взвыл – вой этот походил на колокольный гуд. И как только драконокрокодил бросался на недруга или пытался свернуть к деревне, Леотрик наносил новый удар.

Так весь день Леотрик гнал чудовище палкой, уводя его все дальше и дальше от добычи, и сердце зверя колотилось свирепо и гневно, и он завывал от боли.

К вечеру Тарагавверуг перестал огрызаться на Леотрика, но резво бежал вперед, уворачиваясь от палки, потому что нос его распух и ярко сиял; а в сумерках обитатели деревни вышли из домов и принялись танцевать под звуки цимбал и псалтериона. Когда же Тарагавверуг услышал цимбалы и псалтерион, ярость и голод овладели им с новой силой, и почувствовал он примерно то же, что чувствует знатный лорд, коего не пускают на пир в его собственный замок, а он слышит, как, поскрипывая, вращается вертел и, шипя, поджаривается на нем сочное мясо. Всю ночь напролет зверь свирепо атаковал Леотрика и пару раз едва не сцапал его в темноте;

потому что сверкающие стальные глаза ночью видели не хуже, чем днем. И до самого восхода Леотрик отступал пядь за пядью; а когда рассвело, недруги снова оказались у деревни, однако не так близко к ней, как при первой встрече, потому что за день Леотрик отогнал Тарагавверуга дальше, нежели Тарагавверуг оттеснил его за ночь. И вот Леотрик снова погнал чудище палкой, и гнал до тех пор, пока для драконокрокодила не настало время подумать о завтраке. Одну треть человека он съедал сразу по обнаружении, а остальное – в полдень и вечером. Но когда пробил час завтрака, исступленное бешенство овладело Тарагавверугом, и, клацая зубами, он стремительно прынул на Леотрика, но так и не схватил, и долгое время ни тот, ни другой не сдавали позиций. Но наконец боль от ударов дубинки по свинцовому носу победила голод, и драконокрокодил с воем повернул вспять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.